ИСТОРИЯ

АНДРИЕЦ Галина Алексеевна

канд. ист. наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток).

Электронная почта: andriets2005@list.ru

«Свое» и «чужое» в досуговой культуре городов юга Дальнего Востока России: на примере русско-китайских контактов (конец XIX – начало XX века)

УДК 947.05(571.6)

doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-1/6-15

культура,
досуг,
город,
русско-китайские
контакты,
«свое»,
«чужое»,
культурное
пространство,
диалог культур,
театр,
праздник

В статье рассматриваются русско-китайские контакты в досуговой культуре дальневосточных городов конца XIX – начала XX века с позиции категорий «свое» и «чужое». Особое внимание уделено преодолению языковых барьеров, отдыху в национальных собраниях, а также китайским культурно-зрелищным мероприятиям и театральным постановкам. Отмечается красочность народных праздников в повседневной жизни региона. Автор приходит к выводу, что в досуге горожан наблюдаются культурные влияния и заимствования. «Своя» или «чужая» культура, обладая статусом «высшей ценности», имеет право на свободное развитие и реализацию своего потенциала как необходимое звено культуры Дальнего Востока.

В последнее время становится всё более актуальной проблема «своего» и «чужого» в свете формирования национальной культуры и самосознания не изолированно, а в органической связи и взаимодействии с «чужой» культурой, в поиске и освоении «чужого» через выявление «своего» в «чужом».

Не вызывает сомнения, что ни одна культура не может развиваться и функционировать вне соприкосновения с культурой, существующей рядом. «Свое» может быть понято гораздо лучше через обращение к «чужому», через его освоение. Изучение русско-китайских отношений в области культуры, сложившихся на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в., можно расценивать как определённый шаг в решении поставленной проблемы.

В отечественной исторической науке среди множества работ [2, 3, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 13, 14, 15], посвящённых проблемам региональной культуры, китайской миграции, межкультурной коммуникации, значительный удельный вес занимают исследования, в которых рассматривается демократизация общественно-политической и культурной жизни на рубеже XIX – XX вв., показывается участие в этом процессе представителей разных национальностей. В частности, Е. И. Нестерова проанализировала процесс взаимодействия русской администрации и китайских мигрантов в городах юга Дальнего Востока в период его освоения [10]. А. И. Петров показал целый комплекс проблем, связанных с историей китайской иммиграции

Для цитирования:
Андриец Г.А. «Свое» и «чужое» в досуговой культуре городов юга Дальнего Востока России: на примере русско-китайских контактов (конец XIX – начало XX века) // Известия Восточного института. 2018. № 1. С. 6–15. doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-1/6-15

в Россию в дооктябрьский период, в том числе остановился на культуре китайцев, формах и характере общения между народами [11].

В публикациях начала XXI в. повышенное внимание сосредотачивается на коллективных формах культурного времяпрепровождения разных народов, характерных именно для городской среды в процессе их повседневного взаимодействия (Т. З. Позняк, В. А. Королёва, Л. В. Преснякова, Л. Е. Фетисова и др.) [12, 13, 7, 14, 15]. Однако русско-китайские контакты в культуре досуга в рамках восприятия «своего» и «чужого» культурного пространства изучены недостаточно.

С середины XIX в. в результате активного заселения восточной окраины и формирования в регионе постоянного населения наблюдалось слияние нескольких миграционных потоков: наряду с российской (славянской) колонизацией появились иммигранты как из европейских, так и сопредельных азиатских государств. К концу XIX в. численность иностранцев выросла во всех дальневосточных городах. По данным переписи 1897 г., во Владивостоке проживали 12577 иностранных подданных, в Хабаровске – 4024, в Благовещенске – 3338, в Николаевске-на-Амуре – 1395 чел. Большинство иностранцев являлись подданными Китая, Кореи и Японии [13, с. 17, 36]. Численность китайцев в 1906–1917 гг. достигла максимума – примерно 78 тыс. человек. На 1 января 1916 г. в крае проживало около 145 тыс. иностранцев, среди которых большинство составляли китайцы и корейцы [5, с. 225]. Сформированный в ходе переселенческой политики многонациональный состав населения российского Дальнего Востока определённым образом формировал такое многоуровневое пространство культуры, в котором новации новосельческой территории коррелировали с устоявшимися традициями и обычаями населяющих её народов.

В связи с тем, что значительную часть городских жителей составляли выходцы из азиатских стран (китайцы, корейцы, японцы), целесообразно рассмотреть население по типу занятости. Русские были представлены главным образом чиновниками, служащими казённых и частных учреждений, торговцами, мастеровыми, подрядчиками, промышленниками, легковыми извозчиками и домохозяевами; китайцы – торговцами, подрядчиками, чернорабочими, мастеровыми, ломовыми извозчиками, шлюпочниками, крупными и мелкими промышленниками; корейцы – в основном чернорабочими, носильщиками, шлюпочниками и изредка мелкими промышленниками и подрядчиками; японцы – торговцами, мастеровыми, мелкими промышленниками и подрядчиками [8, с. 59–60].

Учитывая тот факт, что китайское население как в численном составе, так и по типу занятости занимало далеко не последнее место в регионе, остановимся на русско-китайских контактах в сфере досуга, возникавших в процессе взаимодействия представителей западной и восточной цивилизаций и оказывавших определённое влияние на формирование общего культурного пространства дальневосточной территории.

Как показывает опыт, культура досуга, являясь неотъемлемой частью повседневной культуры горожан, наиболее полно воплощается в народном творчестве, народной праздничной культуре как часть массовой культуры, характеризуясь доступностью, демократизмом, публичностью. Ориентируясь на широкие народные массы как некую целостную систему, досуговая культура способствует удовлетворению не только индивидуальных, но и коллективных культурных потребностей.

В повседневной жизни представители разных народов и культур, русские и китайцы, вынуждены были общаться между собой и, что самое главное, понимать друг друга. В результате, с одной стороны, наблюдается тенденция к интеграции, к взаимопониманию и принятию различия культур, их растворению и обогащению; с другой стороны, имеет место стремление к сохранению собственных традиций, поскольку чем чище национальная культура, тем она сильнее, а значит, тем сильнее народ. В данном случае русско-китайское культурное взаимодействие – это мощный поток, в котором лучшие качества и достижения каждой из национальностей являются объектом их гордости, а своеобразие одной культуры вызывает интерес у представителей другой [11, с. 752].

Основные адаптационные проблемы китайского населения на «чужбине» сглаживались на уровне повседневной культуры через совершенствование досуговой сферы. В условиях инокультурного государства стремление сохранить родной язык, обычаи, традиции наиболее ярко проявлялось в культурно-зрелищных китайских мероприятиях, нередко привлекавших публику всех национальностей. Показательным примером может служить деятельность традиционного китайского театра, представлявшего собой «...искусство, зародившееся в народных формах песенно-танцевального творчества; сплав музыки, танца, пантомимы, декламации и акробатики, уходящий корнями в далёкое прошлое и подчиняющийся строгому канону стилизованной символики жестов и интонаций». Зародившись в период Хань (202 г. до н. э. – 220 г. н. э.) и получив широкое развитие уже в период Юань (1271–1368 гг.), театральное искусство сохранилось и было принесено китайцами как часть своей культуры на Дальний Восток России в конце XIX в. В отличие от западного, китайский театр создал «цельную исполнительскую систему, вобравшую в себя пение, речитатив, действие, искусство боя и танец» [14, с. 115].

Среди множества разновидностей традиционного театра особой популярностью в дальневосточных городах пользовалась пекинская музыкальная драма (цзинцзюй), которая наиболее полно выражала дух и характер национального театрального искусства. Постоянные китайские театры имелись во всех крупных городах Дальнего Востока: во Владивостоке, например, их было три, в Хабаровске – два, в Харбине ко времени эвакуации войск к двум существующим китайским театрам прибавился третий [14, с. 116]. Спектакли основывались на исторических, литературных или фольклорных сюжетах, были «чрезвычайно просты по идее и незамысловаты по конструкции». В пьесах отражалась общественная и религиозная жизнь китайцев, их отношение к добру, злу, справедливости, прославлялись военные подвиги [7, с. 117].

По мнению востоковедов, посещение театра было одним из наиболее любимых занятий китайцев. Там они проводили большую часть свободного времени. Национальные театры имелись во всех населённых пунктах Дальнего Востока, в которых проживало значительное число китайцев. Основной репертуар составляли сцены из обыденной жизни и китайского героического эпоса. Известны случаи, когда в пьесах высмеивались русские порядки и «даже были призывы к войне и выселению русских из Приамурья». Отсутствие знаний вос-

точных языков чинами полиции делало невозможным контроль над постановками [11, с. 701].

Для русского населения китайский театр был невиданной и неслыханной экзотикой, развлечением, но нередко спектакли встречали полнейшее непонимание: это был просто другой театр, с присущими ему типом условности и общекультурным контекстом, в котором это искусство органически существовало [14, с. 124]. Во Владивостоке, например, в 1900 г. ставились пьесы «Первый император Сунской династии» и «Последствие безумной любви». На представлении в числе зрителей были и европейцы. В ходе подготовки организаторы не забыли даже отпечатать программы с кратким изложением содержания постановок. Для русской публики были выделены специальные ложи и четыре ряда кресел (ГАПК. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 14. Л. 17; Д. 11. Л. 40).

Театральные представления являлись неотъемлемой частью жизни китайского населения. Часто под открытым небом устраивалось возвышение, на котором играла бродячая труппа актёров. «Народ, толпами окружив возвышение, с величайшим вниманием следит за всеми действиями и речами актёров, то горестно вздыхая, то заливаясь хохотом, то вскрикивая от радости и удивления. Представление продолжается обыкновенно несколько дней, почти без перерыва и всегда под звуки оглушительной музыки. Кроме театральных представлений, китайцы необыкновенные любители всяких процессий, фокусов, музыки, уличных плясунов, акробатов» [11, с. 702–703].

Заслуживает внимания факт, что уже в конце XIX в. отмечено посещение китайцами русского театра. Так, в 1897 г. газета «Владивосток» отмечала: «На последнем благотворительном спектакле мы заметили толпу, человек 15, китайцев, пришедших посмотреть пьесу. Сами ли они дошли до этого, или ввиду малочисленности публики были призваны исполнять её обязанности, неизвестно, но любопытен факт» [11, с. 703].

Любительское направление художественной деятельности в дальневосточных городах постоянно расширялось, охватывая все слои многонационального сообщества и переходя на новые институциональные формы. Общественные организации, объединявшие людей по интересам, так называемые «собрания», в начале XX в. стали создаваться и для китайского населения. Попытка организации Китайского национального общественного собрания во Владивостоке в 1908 г. не дала положительного результата, но «Маньчжурский клуб в Харбине» и «Китайский клуб на станции Пограничная» функционировали достаточно успешно. По их примеру 9 сентября 1917 г. на заседании Благовещенской Городской Думы (запись в журнале заседаний 222-4) было решено открыть в китайском квартале города Общественное собрание (РГИА ДВ. Ф. 755. Оп. 3. Д. 547. Л. 8). Его членам предоставлялась «возможность за дешёвую плату иметь приятное и полезное развлечение»: 25 руб. в год разрешалось вносить 2 раза: в январе и в июле (РГИА ДВ. Ф. 755. Оп. 3. Д. 547. Л. 4, 11 об.). В собрании имела библиотека книг и периодических изданий, музыкальные инструменты. Для членов и гостей устраивались литературные вечера с лекциями по вопросам науки и искусства, промышленности и сельского хозяйства, благотворительности и нравственности, ставились спектакли. Разрешались все русские и китайские коммерческие игры: преферанс, безик, лото, домино, китайские четыре палочки, четыре

точки и кости. Однако азартные игры, например, русский штос, род банкочки, китайская банкочка, рулетка и проч., в собрании не допускались (РГИА ДВ. Ф. 755. Оп. 3. Д. 547. Л. 12). Можно предположить, что таким образом организаторы пытались ограничить тягу китайцев к азартным играм.

Тем не менее, известно много примеров, подтверждавших, что китайцы были очень азартными игроками. В ходе игр возникало множество споров и драк, в результате чего участвовали полицейские рейды. Так, 16 апреля 1908 г. помощник Владивостокского полицмейстера зафиксировал результаты осмотра Китайского общественного национального собрания с целью обнаружения банкочки и других азартных игр: «Все девять комнат Китайского клуба, отведённые для игры, были переполнены китайцами, преимущественно бедняками (много без рубах), игравшими в банкочку и “пейхо”. При виде чинов Полиции, китайцы, как по сигналу, быстро вскочили со своих мест, забирая деньги и принадлежности для игры, мешаясь в полутысячной толпе, сильным напором бросаясь к выходам и окнам, выбрасывая в окна собравшейся толпе китайцев принадлежности игры... Никакой отчётности и кассовой книги в собрании не ведётся, и куда поступают вырученные деньги, не мог дать ответа даже председатель собрания. По словам служащих, собранием выручается ежедневно до 2000 рублей» [11, с. 692–693; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2233. Л. 1–1 об.].

Удовлетворяя культурные потребности местного населения всех национальностей, общественные организации Дальнего Востока старались идти навстречу пожеланиям китайцев лучше изучить русский язык и культуру. Так, Общество народных чтений во Владивостоке предполагало открыть воскресную школу для корейских и китайских детей. В 1915 г. в Обществе была прочитана лекция «Китайский театр и музыка». Существуют документальные свидетельства, что китайцы ходили в русские библиотеки, театры и музеи, а также на концерты, посещали курсы русского языка или нанимали себе репетиторов [11, с. 755].

Местные власти стремились построить наиболее продуктивную модель русско-китайских взаимоотношений, которая включала бы в себя знакомство с языковой и культурной спецификой восточных соседей. Например, решено было открыть специальный класс китайского языка при Владивостокской прогимназии. Имеются сведения, что чиновники, общавшиеся с китайскими рабочими, старались изучить их язык. Фундаментальные основы китаеведения были заложены на Дальнем Востоке с открытием в 1899 г. Восточного института – основного просветительского центра. По распоряжению военного министра для офицеров и нижних чинов при войсковых частях открывались курсы японского и китайского языков. В коммерческом училище был введён факультативный курс китайского языка [15, с. 52].

В праздничной культуре дальневосточных городов отмечены как европейские, так и восточноазиатские традиции. Например, в Хабаровске среди китайских праздников большой популярностью пользовался Новый год по лунному календарю, отмечавшийся несколькими днями весельем, гуляниями. В первые пять дней праздника совершались взаимные визиты, никто не работал, китайские лавки и магазины были закрыты. Днём проходили большие уличные процессии с фонарями и аллегорическими фигурами, устраивались хожде-

ния на ходулях, давались китайские спектакли [2, с. 34]. Так, в 1896 г. во время празднования Нового года по улицам китайских кварталов Хабаровска передвигались «искусно сделанные лодки с сидящими женщинами». Музыканты били в барабаны, в медные тарелочки, щёлкали кастаньетами, а участники маскарада в костюмах ходили на высоких ходулях с зажжёнными разноцветными фонарями в руках. Утомившись и замёрзнув, маски уходили погреться в какое-нибудь жилое помещение, а на сцене появлялись лодки с сидящими женщинами. Форма лодок представляла собой обычную форму джонки, и только посредине в ней было сделано отверстие для человека, который изображал сидящую женщину и в то же время носил саму лодку. Игра лодок состояла в том, что они под шум барабанов и гонгов «плавали» вокруг, одна за другой, или расходились и, встретившись, делали крутые повороты, чтобы избежать мнимого столкновения [2, с. 35].

Кроме маскарадов, китайский новогодний праздник сопровождался обедами, устраиваемыми богатыми китайцами. На обеды приглашались все знакомые хозяина, в их число могли входить и русские. Обеды отличались обилием всевозможных дорогостоящих блюд, которые готовились из специально привезённых китайских продуктов русскими поварами. Таким образом, несмотря на то что в славянской культуре отсутствует традиция отмечать Новый год по лунному календарю, тем не менее все горожане были непроизвольно вовлечены в это действо [2, с. 36–37]. Имеются сведения о совместном праздновании русского православного Рождества и восточного Нового года казаками и их китайскими соседями [15, с. 52].

В период празднования Нового года по лунному календарю устраивались театрализованные представления. Так, В. Ф. Духовская вспоминает, что в январе 1897 г. в Хабаровске на «Военной горе, в открытом балагане, любители-китайцы дают драматические представления; пьесы большей частью исторические, и действия происходят три тысячи лет назад. Актёры денег за представление не берут, считая это за бесчестье, и перед их балаганом стоит несметная толпа китайцев» [4, с. 58].

В воспоминаниях Г. Т. Мурова встречается следующее описание празднования китайского нового года во Владивостоке: «Каждый молящийся входил в алтарь, поднимал над своей головой приношение и клал его перед чашей; затем с зажжённым пучком свеч становился на колени и, непрерывно кланяясь идолу, бормотал молитву, в заключение клал несколько монет в чашу и уходил». После молебна... и «обычных поклонов младших старшим...» все присутствующие садились «за роскошный китайский завтрак со всеми деликатесами китайской кухни. Пировали они долго и основательно...» Вечером зажглись фонари, «затрещали ракеты, хлопушки», заиграла музыка. Внимание прохожих привлекали ряженные в масках «страшных чудовищ» [6, с. 76; 9, с. 54–55].

Китайских артистов часто приглашали для выступления на массовых народных гуляниях в городских садах и в кафе-шантанах. Например, во Владивостоке 23 июля 1911 г. на массовом гулянии в саду «Италия» (ок. 4000 чел.) на летней сцене выступала китайская труппа из 20 артистов, играли три оркестра, а 26 августа того же года

на празднике «Белого цветка» выступал китайский театр Ван-и-лина, пользовавшийся у горожан большой популярностью [12, с. 127].

Пища китайцев традиционно отличалась обилием овощей и растительных продуктов. Однако со временем китайские жители стали чаще употреблять мясо, в первую очередь свинину; очень любили пельмени. Один из наблюдателей писал: «В праздники, которых у китайцев, к счастью, немного, последний бедняк старается приготовить себе это блюдо; без пельменей китайцу и праздник не в праздник» [11, с. 699]. В результате общения с русскими китайцы стали пить молоко и употреблять в пищу сливочное масло [11, с. 700].

В зоне КВЖД в условиях «чужого» культурного пространства проходила жизнь русских людей. Решать адаптационные проблемы помогали праздники, специфика которых напрямую зависела от местоположения городов. Особенно показателен в этом плане г. Порт-Артур, культурная жизнь которого была богата различными торжествами. Так, ежегодно 4 июня отмечался день штурма китайских укреплений Дагу. По случаю занятия города 16 марта устраивались угощения для нижних чинов и выступления театральной труппы. По самым разным поводам проводились военные парады. Артиллерийский салют, церковный парад, литургия и благодарственный молебен устраивались «в день Рождества Христова и в воспоминание избавления Церкви и Державы Российской от нашествия Галлов и с ними двенадцати языков» [3, с. 163–164]. На Новый год по всему городу устраивались праздничные ёлки. В Пушкинской школе вместе водили хороводы русские и китайские дети. Шумно и весело в Порт-Артуре отмечался Китайский Новый год. На этом празднике русские выступали в качестве зрителей, китайцы же устраивали праздничные процессии и фейерверки [1, с. 10].

Значительное количество проводимых на китайской земле русских праздников облегчало вживание российских граждан в «чужую» среду. Например, в коммерческом училище г. Харбина пышно прошли торжества в честь 100-летия Н. В. Гоголя (1909 г.). Ежегодно 9 мая для детей проводился гимнастический «Сокольский праздник» (с 1909 г.). В 1913 г. отмечался 10-летний юбилей со дня основания одного из первых культурных учреждений города – Харбинского коммерческого собрания, а в 1914 г. в его стенах шумно прошла «Масленица», отмеченная не только традиционными блинами, но и сценическими выступлениями, а также балом-маскарадом с призами за лучшие костюмы [1, с. 10].

Диалог культур является важной формой сосуществования народов, инструментом освоения «чужого» в общем культурном пространстве, установления отношений доверия, дружбы и взаимопонимания. При взаимодействии происходит не только процесс взаимообогащения культур, но и утверждается культурная самобытность каждого народа.

В целом естественноисторическое развитие двух разных цивилизаций России и Китая настоятельно требовало их сотрудничества в самых широких масштабах. Приобщение китайцев к русской культуре и, соответственно, русских к китайской способствовало распространению взаимопонимания между двумя народами [11, с. 757].

Таким образом, в досуговой культуре городов юга Дальнего Востока России в конце XIX — начале XX в. наблюдались культур-

ные влияния и заимствования. Как проявление «своего» и «чужого» в свободное времяпровождение не только китайцев, но и русских горожан вошли китайский театр, уличные представления китайских артистов, Новый год по восточному календарю и другие популярные для двух народов праздники. Преодоление языковых барьеров на курсах, просветительские лекции, отдых в национальных собраниях и обществах вносили разнообразие в досуг горожан, придавали специфику общественным развлечениям.

Русско-китайские контакты в дальневосточных городах на рубеже веков свидетельствовали об активном присутствии творческих сил как с русской, так и с китайской стороны, что обеспечивало сохранность традиций каждого народа и вместе с тем способствовало формированию поликультурного регионального пространства при доминирующей роли русской культуры. В силу исторических условий каждая культура, «своя» или «чужая», обладала статусом «высшей ценности», имела право на свободное развитие и реализацию своего потенциала как необходимое звено культуры Дальнего Востока.

Литература

1. Андриец Г. А. Повседневная жизнь городов Порт-Артур и Харбин (конец XIX – начало XX века) // Культура Дальнего Востока России и стран АТР: Восток – Запад: Материалы XXI научной конференции 9–10 декабря 2015 г. Вып. 21 / ДВГИИ. – Владивосток: Дальнаука, 2016. С. 5–11.
2. Байдак А. С., Мельникова Т. В. Празднование китайского Нового года в Хабаровске на рубеже XIX – XX веков // Актуальные проблемы изучения истории стран АТР в XIX – XXI вв. – Хабаровск: КГБНУК «Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова», 2012. С. 32–37.
3. Дацышен В. Г. Порт-Артур. История одного русского города // Архитектура Восточной Сибири и Дальнего Востока. – Вып. 1. Русские города на Дальнем Востоке. – Хабаровск: Хаб. гос. техн. ун-т, 2002. С. 143–166.
4. Духовская В. Ф. Из моих воспоминаний. – М.: б. и., 1901. 71 с.
5. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). – М.: Наука, 1991. 471 с.: ил.
6. История культуры Дальнего Востока России (XIX в. – 1917 г.). – Владивосток: Дальнаука, 2011. 300 с.
7. Королёва В. А. Традиционный китайский театр и его роль в жизни китайского населения на русском Дальнем Востоке (вторая половина XIX в. – 1935 г.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (60): в 3-х ч. Ч. 1. С. 115–121.
8. Моргун З. Ф. Японская мозаика Владивостока: 1860–1937 (Картина жизни Владивостока на примере японской диаспоры). – Владивосток, Приморский государственный музей им. В. К. Арсеньева, 2014. 310 с.
9. Муров Г. Т. Люди и нравы Дальнего Востока. От Владивостока до Хабаровска. Путевой дневник. – Томск: Паровая Типо-Литография П. И. Макушина, 1901. 161 с.
10. Нестерова Е. И. Русская администрация и китайские мигранты на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX вв.). – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. 372 с.
11. Петров А. И. История китайцев в России. 1856–1917 годы. – СПб.: ООО «Береста», 2003. 960 с.
12. Позняк Т. З. «Азиатская специфика» досуговой сферы в дальневосточных городах во второй половине XIX – начале XX в. // Российский Дальний Восток и интеграционные процессы в странах АТР: политико-экономические и социально-культурные проблемы: VII международ-

ная научно-практическая конференция, посвящённая 120-летию морского образования в Приморском крае, 1–3 декабря 2010 г., Владивосток: сборник докладов / Сост. и ред. А. С. Заколотная. – Владивосток: Мор. гос. ун-т, 2010. С. 121–128.

13. Позняк Т. З. Иностранные подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.). – Владивосток: Дальнаука, 2004. 316 с.

14. Преснякова Л. В. Традиционный

китайский театр на русском Дальнем Востоке и в полосе отчуждения КВЖД в конце XIX – начале XX в. // Вестник ДВО РАН. 2006. № 2. С. 114–124.

15. Фетисова Л. Е. Чтобы лучше узнать друг друга... Культурно-бытовые контакты русского и китайского населения на Дальнем Востоке России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Россия и АТР. 2001. № 4. С. 45–53.

Galina A. ANDRIETS

Ph. D. (in History), Researcher, Institute of History, Archaeology, Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).
E-mail: andriets2005@list.ru

«Native» and «foreign» in the Leisure Culture of the Towns in the South of Russian Far East: the Example of Russian-Chinese Contacts (Late 19th – Early 20th Centuries)

UDC 947.05(571.6)

doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-1/6-15

*culture,
leisure,
town,
Russian-Chinese
contacts,
«native»,
«foreign»,
cultural space,
dialogue of cultures,
theater,
celebration*

The article examines Russian-Chinese contacts in the leisure culture of the Far Eastern towns of the late 19th – early 20th centuries from the standpoint of the categories «native» and «foreign». Particular attention is paid to Chinese cultural and entertainment events and theatrical stagings. The importance of studying Russian and Chinese languages as the «foreign» is underlined. Cultural leisure of Chinese people in the public assemblies, which used to be the main cultural centers, is characterized. The colorfulness of Chinese celebrations and Russian solemn events in the everyday life of the region is noted. The author comes to the conclusion that the dialogue of cultures is a tool for mastering the «foreign» in the common cultural space. Having the status of «highest value», «native» or «foreign» culture has the right for free development and realization of its potential as a necessary link in the culture of the Far East.

For citation: Andriets G.A. «Native» and «foreign» in the leisure culture of the towns in the South of Russian Far East: the example of Russian-Chinese contacts (late 19th – early 20th centuries) // Oriental Institute journal. 2018. № 1. P. 7–18. doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-1/6-15

References

1. Andriets G. A. Povsednevnyaya zhizn' gorodov Port-Artur i KHarbin (konets XIX – nachalo XX veka) // Kul'tura Dal'nego Vostoka Rossii i stran ATR: Vostok – Zapad: Materialy XXI nauchnoj konferentsii 9–10 dekabrya 2015 g. Vyp. 21 / DVGII. – Vladivostok: Dal'nauka, 2016. S. 5–11.
2. Bajdak A. S., Mel'nikova T. V. Prazdnovanie kitajskogo Novogo goda v KHarbarovske na rubezhe XIX – XX vekov // Aktual'nye problemy izucheniya istorii stran ATR v XIX – XXI vv. – KHarbarovsk: KGBNUK «KHarbarovskij kraevoj muzej im. N. I. Grodekova», 2012. S. 32–37.
3. Datsyshen V. G. Port-Artur. Istoriya odnogo russkogo goroda // Arkhitektura Vostochnoj Sibiri i Dal'nego Vostoka. – Vyp. 1. Russkie goroda na Dal'nem Vostoke. – KHarbarovsk: KHab. gos. tekhn. un-t, 2002. S. 143–166.

4. Dukhovskaya V. F. Iz moikh vospominanij. – M.: b. i., 1901. 71 s.
5. Istoriya Dal'nego Vostoka SSSR v ehpokhu feodalizma i kapitalizma (XVII v. – fevral' 1917 g.). – M.: Nauka, 1991. 471 s.: il.
6. Istoriya kul'tury Dal'nego Vostoka Rossii (XIX v. – 1917 g.). – Vladivostok: Dal'nauka, 2011. 300 s.
7. Korolyova V. A. Traditsionnyj kitajskij teatr i ego rol' v zhizni kitajskogo naseleniya na russkom Dal'nem Vostoke (vtoraya polovina XIX v. – 1935 g.) // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. – Tambov: Gramota, 2015. № 10 (60): v 3-kh ch. CH. 1. S. 115–121.
8. Morgun Z. F. Yaponskaya mozaika Vladivostoka: 1860–1937 (Kartina zhizni Vladivostoka na primere yaponskoj diaspor). – Vladivostok, Primorskij gosudarstvennyj muzej im. V. K. Arsen'eva, 2014. 310 s.
9. Murov G. T. Lyudi i nruvy Dal'nego Vostoka. Ot Vladivostoka do Khabarovska. Putevoj dnevniki. – Tomsk: Parovaya Tipografija P. I. Makushina, 1901. 161 s.
10. Nesterova E. I. Russkaya administratsiya i kitajskie migranty na yuge Dal'nego Vostoka Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.). – Vladivostok: Izdvo Dal'nevost. un-ta, 2004. 372 s.
11. Petrov A. I. Istoriya kitajtsev v Rossii. 1856–1917 gody. – SPb.: OOO «Beresta», 2003. 960 s.
12. Poznyak T. Z. «Aziatskaya spetsifika» dosugovoj sfery v dal'nevostochnykh gorodakh vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. // Rossijskij Dal'nij Vostok i integratsionnye protsessy v stranakh ATR: politiko-ehkonomicheskie i sotsial'no-kul'turnye problemy: VII mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, posvyashhyonnaya 120-letiyu morskogo obrazovaniya v Primorskom krae, 1–3 dekabrya 2010 g., Vladivostok: sbornik dokladov / Sost. i red. A. S. Zakolodnaya. – Vladivostok: Mor. gos. un-t, 2010. S. 121–128.
13. Poznyak T. Z. Inostrannye poddannye v gorodakh Dal'nego Vostoka Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.). – Vladivostok: Dal'nauka, 2004. 316 s.
14. Presnyakova L. V. Traditsionnyj kitajskij teatr na russkom Dal'nem Vostoke i v polose otchuzhdeniya KVZHD v kontse XIX – nachale XX v. // Vestnik DVO RAN. 2006. № 2. S. 114–124.
15. Fetisova L. E. CHtoby luchshe uznať drug druga... Kul'turno-bytovye kontakty russkogo i kitajskogo naseleniya na Dal'nem Vostoke Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) // Rossiya i ATR. 2001. № 4. S. 45–53.